

Министерство культуры Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Евгений Чепурных

Снежный человек

Русское эхо
2014

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
Ч 44

Чепурных Е.П.

Ч 44 Снежный человек: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2014. — 160 с.

ISBN 978-5-9905721-0-2

Это десятая книга одного из лучших современных поэтов России, в которую вошли стихотворения последних лет.

ISBN 978-5-9905721-0-2

© Чепурных Е.П., 2014

© Русское эхо, 2014

Книжка

Люре

Стану пить, как и ты, кофе
И внимать старику Григу.
Любоваться на твой профиль
И писать для тебя книгу.
Про фиалки и путь Млечный,
И про жизненный путь сложный.
Ничего не прошу — вечно.
Но маленько-то всё ж можно?

Эта книжка — как куст винный.
Мало ягод?
Да Бог с ними!
Вот сейчас мы чуть-чуть выпьем
И придумаем ей имя.

Царьград

Константинополь, Царьград и Стамбул.
Воли средиземных стареющий гул.
Как ты блистал среди звёздных ночей,
Как распадался на сто миражей,

Сто минаретов и сто куполов —
Искус и приз для горячих голов,
Гибель и слава славянских сердец
И патриарший упавший венец.

Как ты манил, обещал и царил!
С Вещим Олегом на «ты» говорил.
И испытал на себе неспроста
Силу меча его, тяжесть щита.

Русская сказка, старинная вязь,
Где началась ты, откуда взялась?
Кто научил нас с варяжеских пор
Долго и грустно глядеть на Босфор?

Словно несём мы в поющей крови
Вирусы чьей-то далёкой любви.
Словно предсказано вещим пером
Третьему Риму вздыхать о Втором.

Последняя сигаретка

А глаза твои безоружны
(И мои безоружны вечно),
И душа твоя легковесна
(И моя, как твоя, легка).
Светлый ситец с плеча стекает,
Чёрный ситец течёт на плечи.
— А бывает ли чёрный ситец?
— Да не знаю я ни фига.

Поиграла б ты лучше в куклы
И попела бы в детском хоре.
Безоружные звуки-ноты
Тихо капают на листья.
У тебя на коленях полночь.
У тебя на коленях море,
Беззащитное и большое,
Даже больше, чем я и ты.

Если нужно...

Вот так стена превращается в дверь,
Коль долго стучать в поту.
Вот так человеком становится зверь,
Взглянувший в глаза Христу.

Вот так вода говорит с тобой
Глазами души твоей,
А дудка твоя гремит трубой,
Поскольку так нужно ей.
И паруса поднимает флот,
Рождённый в детской груди.

Вот так из жизни уходит тот,
Кто знает, куда пойти.

Он скачет...

Он скачет
Только поперёк дорог.
Он видит сахар
У тебя в ладони.
Твой зверь,
Твой символ,
Твой Единорог.
Так никогда не скачут наши кони.

Серебряная кожа горяча
И холодна, как снег, одновременно.
А светлый рог,
Как лезвие луча,
Стекает в сердце и бежит по венам.

Старинные холсты угаснут в срок,
Лишь ты чиста, как рощица лесная.
Ты тоже ходишь поперёк дорог,
Иначе б мы не встретились, родная.

Полдень. Стрельба

Ты выстрелила ровно двадцать раз,
Для тира захолустного немало
(Господь мой милосердный, светлый Спас,
Она же двадцать раз в меня попала!).

И я смотрел, смотрел в лицо твоё,
Как собачонка,
Что вот-вот залает
(Господь мой светлый, не ругай её:
Она не знала, по кому стреляет).

Полночь. Так

Той ночью
Никого не обокрали.
Не задушил Отелло Дездемону,
И не ушла под воду Атлантида,
И Змей Горыныч не поджжёт Москву...
Поскольку, усмирённые любовью,
Мы ничего такого не хотели.
А Бог смотрел на наши именины
И не желал нам праздник омрачать.
Поскрипывали перья летописцев,
Чумацкие костры горели в поле,
Посапывая сладко, спал Сальери
И улыбался Моцарту во сне.
А ты всё разливала чай по чашкам.
А ты всё говорила: «Будь, что будет».
А я всё говорил: «Ага, конечно».
И так и было. Так и было всё.

Минор, минор, минор

Когда придёт возвышенная осень,
Я буду спать
И чувствовать во сне,
Как листья мягко стучаются оземь,
Чуть-чуть пищат и жалуются мне.
И так их много,
Что земли не видно
Ничуть под разукрашенной листвой.
И будет мне в тот миг немножко стыдно
И безотчётно жаль весь мир живой.
Тебя, себя и дядьку Черномора
(Хоть он мне никакая не родня),
И этого пронзительного взора,
Что падает в окошко на меня.
И чёрного котяру (ах, изыди!),
Что мчится по двору, беду неся.
Я буду спать
И ничего не видеть.
Но знать и понимать
Про всё и вся.
Про всё и всех. Про целое и части.
Про каждый выдох стынувшего дня.
И если слёзы — это тоже счастье,
Нет никого счастливее меня.

Под голос твой

Укроюсь голосом твоим,
Твоим пушистым, тёплым словом.
Там, за окном, Ершалаим,
Содом, Гоморра. Ватерлоо.

Я так устал жить на излом.
Ты говоришь — сыреет порох,
И распадается Содом,
И испаряется Гоморра.

Смеётся воин-пилигрим,
И очищенью нет предела.
И слёзы льёт Ершалаим,
Но это уж не наше дело.

Зона

Кошачий язычок из зажигалки,
Лизнув мне палец,
Ослепит глаза.
Здесь зона бытия.
Здесь каждый сталкер
Когда-нибудь сорвётся в небеса.

Не трать огонь.
Нам не нужна дорога.
Мы оба ходим поперёк дорог.
Два сталкера.
Два старых полубога,
Которых никогда не бросит Бог.

Степь. Размолвка

Не плачь, моё облачко, плюнь,
Плыви себе в страны иные.
Уже запирает июнь
Свои чемоданы степные.
И суслики пьют из ручья,
О нашей размолвке не зная.
А глупых поэтов, как я,
Так много, что — мама родная!
Ведь жизнь — только тень от любви.
Что плакать, коль тень прохудилась?
Плыви, моя прелесть, плыви,
Для этого ты и родилась.
Ты всполох сгоревшего льда,
Ты дух над моею строкою.
А рюмочка скорби всегда,
Всегда у меня под рукою.

Товори

Озеро,
Полное света.
Сядь, утомлённый ходок.
Чище, чем бинт из пакета,
Первой любви холодок.

Вот она ближе и ближе.
Что отвернулся? Смотри.
Вот она! Видишь?
— Не вижу...
Но говори... говори...

Соседушка

За этой дверью —
Мент-мордоворот,
За этой — кофе пьёт артист ведущий.
А в двадцать пятой бабушка живёт,
Хороший человек, но шибко пьющий.

Он мир крестит движением руки
И никогда ни на кого не злится.
И очень любит все мои стихи.
Когда ко мне заходит похмелиться.

Он говорит:
«Какая благодать,
Коль есть в тебе Господняя стихия».
Он запрещает кошек обижать,
Поскольку их любила Мать Мария.

А ежели по третьей разольём
(А это строго держится в секрете),
То мы с ним обязательно споём
Не хуже, чем артист из двадцать третьей.

Не нужен нам сценический успех,
Букеты и восторженные ложи.
А кошек обижать — конечно, грех
И нас, конечно, с бабушкою — тоже.

Противоречье

Как лошади любят сахар,
Как любит собака кость,
Как любит костёр солому,
Так ты любила меня.
Как лошади любят ветер,
Как любит собака ласку,
Как любит костёр беседу,
Так я тебя любил.

И это противоречье
Ничуть бы нам не мешало.
Даже забавно было
В противоречье жить.
Но лошадь сжевала сахар,
Но кость сожрала собака,
И невероятно быстро
Съел солому костёр.

Тогда прекратился ветер,
Тогда утомилась ласка,
Тогда прервалась беседа.

А так бы всё ничего...

Портрет

Твой взор
Казался диким и бездомным.
Он не был светлым,
И он не был тёмным.
Как будто бы со стороны одной
Орёл и решка шепчутся со мной.
А стороны исподней вовсе нету,
Как ни верти волшебную монету.
Глядит душа,
И, медленно дыша,
За ней стоит такая же душа,
Но только не целованная ныне
И как-то не замеченная вдруг.
Не солнца круг, но и не лунный круг,
А два в одном, и оба как родные.
Пройду, смеясь, к барьеру, к рубежу,
Как роковой пунктир на диаграмме.
К твоим ногам цветочки положу
И пыль позолочу
Перед ногами.
И грянет взрыв.
И всё уйдёт в распыл,
И озарится блажью несусветной:
Когда-то я тебя уже любил.
Как и сейчас...
И так же безответно.

Сон-трава

Не отделаться от ощущения,
Что не все сон-траву будут пить.
И не все испытают забвенье,
А лишь те, кто стремится забыть.

Чтоб глядеть на солёные реки
И не помнить, откуда в них соль,
И откуда взялись человеки,
Человекам несущие боль.

Ева матушка, длинные косы
Распусти по солёным волнам.
Бог утёр твои первые слёзы,
Те, которых не видел Адам.

Двойник

Двойник Николая Второго
С утра продаёт куличи.
Над ним золотая корона
Роняет отвесно лучи.
И пахнет глазурью с изюмом
И чем-то душистым, как сад.
И, будто лукавая Дума,
Торговый волнуется ряд.
Так празднично солнышко наше,
Что щурится с небушка Бог:
«Так вот ты куда, Николаша,
От пьяных расстрельщиков сбёг».
Стоит себе, словно монашек,
Не сходит улыбка с лица.
Вот тут бы тебе, Николаша,
И жить бы заместо дворца.
Дышать этим воздухом бодрым,
Крестить этот хлеб золотой.
И так он доверчиво смотрит,
Как будто и вправду святой.

Извне

Не поэт
Раздаёт имена облакам.
Не поэт леденит музыкальную воду.
Но когда облака прилипают к рукам,
Лишь поэт может их отпустить на свободу.

Лишь поэт
Открывает калитку весне
И целует, смеясь, ей девчоночьи руки.
Ну а в целом вся жизнь —
Лишь беглянка извне,
Где отсутствуют страсти, стихи и науки.

Где печати снимаются с тайн бытия,
Где печали нисходят в туманы-истомы.
Так вот видится мне,
Так вот думаю я.
А поэты вам скажут совсем по-другому.

Полночь. Башня

Куда я бегом и вприпрыжку?
Наверно, над глушью полей
Замедлила молния вспышку
И стала вдруг жизнью моей.

И всё осветилось, как чудо,
От грязных подвалов до крыш.
От пункта приёма посуды
До башни, в которой ты спишь.

Осталось всего-то немного:
Протопать Драконье шоссе,
Тебя разбудить
И потрогать
Твой бантик на мятой косе.

Колдун-чернокнижник смеётся
И вся его злая родня.
Но музыка
Льётся и льётся
Из башни твоей на меня.

Безвременье

Дыханье жизни —
Птичий перелёт.
Смешенье красок
В солнечной палитре.
Как счастлив тот, кого никто не ждёт,
Кто не боится опоздать к молитве,

Кто вечно и рассеян, и влюблён,
И мелкими долгами не запичкан,
И в списки приглашённых не включён,
И ни в каком регистре не записан.
Он любит птиц, их щебет, свист и смех.
Из дома уходя — везде как дома.
Он просто есть.
Он просто смотрит вверх,
И всё ему там, наверху, знакомо.
Прощая любопытные носы,
Бредёт он, косолапя виновато.
А вслед за ним
Идут его часы.
Как тень. Как приручённые волчата.

Красс... блин...

Марк Лициний Красс пропах
Жаждой славы (где ты, слава?).
У него на трёх холмах
Пятьдесят торговых лавок.
А ещё на четырёх —
Мастерские и бордели.
У него рабов — как блох
На собачьем грязном теле.
Жарче солнца самого
Оберег на бычьей шее.
Только славы у него
Меньше, блин, чем у Помпея.
И его который год,
Как подсказывает опыт,
Уважает, блин, народ,
Но не любит, блин, — и всё тут.
Входят с форума войска
В гладиаторские игры.
Страшный образ Спартака,
Как фантом, завис над Тибром.
Грозный лик. Гремящий глас.
Слушай, римская держава:
— Здравствуй, Марк Лициний Красс.
Я — твоя любовь и слава.

Мышка

Ходит мышка у экрана
Под моей ладонью тёплой
И попискивает мягко,
Если пальчиком нажму.
Нет у ней мышонка-мужа,
Нет у ней мышат-детишек.
Лишь экран голубоватый
Да полоски по нему.

Молочка она не просит.
Сыра с плесенью не хочет
(И без плесени не хочет).
Вот такая скука-грусть.
Но зато она, бедняга,
От большого впечатленья
Все мои стихотворенья
Долго помнит наизусть.

На мокром утреннем перроне

Часы называются пошло: «Полёт».
В них времечко — окаменелость.
А вдруг ты там выбрала поезд не тот?
Чего я тогда буду делать?

Никто не узнает судьбу наперёд:
Людишки — пророки плохие.
А вдруг тебя громом в дороге убьёт?
Бывают же громы такие...

А вдруг расплескается чёрный туман,
И станет темно и недужно?
А вдруг ты сорвёшь, как болячку, стоп-кран
И скажешь: «Да на фиг всё нужно?»

И тихо синичка
В окошке споёт
Про осень, миндаль, увяданье.
Часы называются грубо: «Полёт».
А надо б назвать: «Ожиданье».

Полдень. Оплошность

Зачем я сегодня
Выпил
Весь ветер с самарских улиц?
Стояли, не шелохнувшись,
Небесные города.
По их мостовым скакали
Встревоженные курьеры.
И цокот копыт железных,
Как в масло, входил в жару.
А я говорил им:
«Хватит.
Оправьте свои мундиры
И трубы в чехлы упрячьте,
И плёткой смахните пот.
Вон там,
За углом пивнушки,
Стоит Соловей-разбойник.
Он дунет сейчас, как сволочь,
И станет всё хорошо».
И вдаль покатались плавно
Воздушные поселения,
И вновь закрутился флюгер
На башне, попав в струю.

Флажками махали дети.
А женщины посылали
Воздушные поцелуи
Небритому соловью.

Правда. Промысел

За дорожкой, что в небе провисла.
За рассеянным взглядом в окно.
За словами без всякого смысла,
За слезами, что лить не грешно.
За сверканием речки-беглянки,
За горой, что вросла в небосвод.
В перелесье,
В глубокой землянке,
Наша русская Правда живёт.
И улыбчива,
И босонога.
Принимает, как дар, свой удел.
Но никто, кроме Господа Бога,
У неё за столом не сидел.
Всё, как есть,
Она слышит и видит.
Свет играет на чистом лице.
Никогда
У вас, гады, не выйдет
Поселить её в вашем дворце.

Метаморфоза

Кудрявые овечки на небе
Сбегут однажды вниз по ступеням.
Копытцами пристукнут капризно.
И брызнут из земли ручейки.
Мы обратимся в умные камни,
Мы обратимся в тёплые тени,
Мы запоём, как тонкие свечки.
В два голоса,
В четыре руки.

И выгнется земля мускулисто,
Ломая боль свою о колено,
Дыханием любви наполняя
Заплесневевший погреб людской.
И будет пахнуть речкой и сеном
(Ты нюхала когда-нибудь сено?),
И никогда уже не замёрзнут
Моя рука
И ты под рукой.

Счастливчик

До старости глубокой,
До лавки одинокой
Добрался — отдохни.
Сиди себе, счастливчик,
Считай себе синичек
Да молодёжь брани.
«Да тьфу! — скажу со смехом: —
Плевок, а не помеха.
Чего бояться мне?
Что будет после смерти?
А хоть бы шиш в конверте
Да пыль на простыне».

До старости глубокой,
До лавки одинокой...
Эй, Сивка-Бурка, стой!
До юности туманной,
До радости нежданной
Поедем мы с тобой.
Руками рошу двигать,
Через кострище прыгать,
Пить пиво из бадьи.
В любви, как в речке, плавать
И в чистом поле плакать
От гнева и любви.

Косым клинком истёртым
Во вражий панцирь бить.
Средь трёх врагов четвёртым
Товарища срубить.
Задеть рукой поспешной
За лоб обледеневший,
Упасть у самых ног.
У старости глубокой,
У лавки одинокой...
И вытереть клинок.

Зачёркнутые строчки

«...что серый день сменяет серый день,
Что в каждом человеке жив иуда...»
О, Господи! Какая хренотень!
Какой щенячий визг! Какое чудо!
Бумажный голубь пьёт с моей руки,
А сизый голубь ходит под ногами.
Ведь жизнью обожжённые щенки,
Как правило, любимы голубями.
И шелест крыльев
Им тревожит слух.
Но запах неба
Больше не пугает.
Племянник снега —
Тополиный пух —
Глаза ласкает, но не обжигает.
Гадал, гадал, о чём бы написать
Тебе письмо
И ёмко, и пространно.
И вот
Попалась древняя тетрадь.
Необъяснимо.
Вовремя.
Желанно.

Снова колыбельная

Спи и не думай ни о чём,
Коль думанье невмочь.
Я заслоню тебя плечом —
И сразу станет ночь.
Не думай о сквозной жаре,
Расплавленных мозгах
И о космической дыре,
Откуда льётся страх.
Пусть ангел твой
В краю ночном
Рисует вновь восход.
Но ты не думай и о нём.
Он добрый. Он поймёт.
И лишь вздохнёт душой живой,
Припоминая всклень,
Как он намаялся с тобой
За этот длинный день.

На веранде вечером

Так скучно говорить о преходящем:
О восходящем
Иль о нисходящем.
А вот о том, что есть, —
Куда как мило.
А тут ведь только мы с тобой и есть.
Нет вишенки в окошке
Чуть зелёной,
Нет воробья, вспорхнувшего над нею,
Нет самолёта,
Ищущего землю
И злого чародея на земле.
Куда им всем до нас,
Коль их тут нету?
Хотели бы они...
Но нету, нету!
Пищи или гуди, иль чародействуй —
О чём нам говорить,
Как не о нас?

Брат

Все камни живы, живы, живы.
И этот жив.
И все устойчиво красивы,
А этот чем-то некрасив.

Не обнажил свирепый ветер
Его под мхом, землёй, травой.
Он чем-то некрасив.
И этим
Вдвойне живой.

Он будто спрятан в тёмной клетке
И рвётся к небу наугад.
Все камни — предки, предки, предки.
А этот — брат.

Мы несовместны, но похожи,
Как град и весь.
Где брат мой? — спрашиваешь Боже.
Он здесь.

Прости его, что, молчаливый,
Стоит, звеня.
И что не очень-то счастливый
Он у меня.

Огоньки...

...через тонкое шитьё,
Безрассудное шитьё
В старом зеркале всплывает
Отражение твоё.
И глядишь ты на меня,
Ничего ещё не знаешь,
Никого ещё не любишь —
Не чужая, не родня.
Не сверкает твой кристалл
Так пугливо-одиоко.
Я тебе ещё не дал
На три дня поэта Блока.
Я тебе ещё не пел,
Шибко выпимши, «Гренаду».
Просто рядышком сидел,
Если это было надо.
Не вершки и корешки
Собирали мы, трудились,
А сажали огоньки,
Чтоб они потом светились.
И теперь они растут,
Независимые боле.
Просто мы с тобою тут.
А они остались в поле.

А они остались там,
Тихо светят, светят, светят.
И всю жизнь с тобою нам
Не хватает свечек этих.

Сокровище

Будто прислана чёрная метка
От пиратов, бродящих окрест.
И печаль моя, как людоедка,
По ночам меня заживо ест.

Но не помню ни битвы, ни крови,
Ни горба за плечами, ни крыл.
Ни как много обрёл я сокровищ.
Ни в какую их землю зарыл.

Ничего: ни товарищей верных,
Ни врагов, иступлённых бойцов,
Ни чужих языков сокровенных,
Ни затерянных в джунглях дворцов.

Ни барханов серебряной пыли
Над истлевшею грудой костей.
Но сокровища всё-таки были,
Были всё-таки в жизни моей.

Всё забыл:
И песчинки, и граммы,
Цвет и запах.

Лишь помню оскал
Безвоздушной,
Безжизненной ямы.
Той,
В которую всё закопал.

Божья коровка

Жаль,
Не бывает жидкого огня,
Чтоб отстирать до чистоты небесной
Все мысли,
Что тревожили меня
И образы фантазии нечестной.

Коровка божья,
Как ты тяжела,
Когда ползёшь по трепетной ладони
Вдоль линии Любви,
И нет числа
Всем разветвлениям,
Как статьям в Законе.

Ведь ты, как я — везде поспел пострел! —
Как я, бесстрашно или оробело
Всю жизнь порхала
Там, где Бог велел.
Но... иногда... гуляла... где хотела...

Песенка про кота

Когда копаешь огород,
Чуть выпив и весной,
То очень нужен чёрный кот
Из песенки одной.
Пусть он не самый лучший кот,
Но, солнышком томим,
Копать весенний огород
Привык я только с ним.
Чтоб я копал с теплом в груди
И не жалел бы сил,
А чёрный кот чуть впереди
Сидел и морду мыл.
Чтоб он и сам не знал, бандит,
Воспетый перед тем,
То ль он и вправду здесь сидит,
А то ли не совсем...

Двадцать капель корвалола

Я помню, как
Мне выдавали сердце...
Оно такое крохотное было
Сначала,
Как у бабочки
Иль мухи,
Так что не мудрено и потерять.
И я терял
На день, на два, на месяц...
Уже лягушки квакали в астрале.
И ласточки кричали, улетаая,
Хоть им и не хотелось улетать.
И тут оно
(Я речь веду о сердце)
Внезапно материлось
И пищало
Из пошлой женской сумочки,
В которой
Его посмел когда-то я забыть.
Подросшее, обиженное, злое.
Моё.

Хоть временами как чужое.
И глупое пока ещё,
Как шарик,
И доброе, как валенок...
Моё...

Сухой закон в Самаре

Наша очередь мрачно длинна
И практически бесперспективна.
И, как пьяная баба, шумна,
И, как съезд дураков, легитимна.

Нас брезгливо касается высь —
Без неё бы жилось беззаботней.
Если хочешь по десять — давьсь,
По пятнадцать — в любой подворотне.

Лишь одно сознаю без затей,
Дух толпы осуждая нестрого,
Что не стоит орать на людей,
Даже если их, бедных, и много.

Даже если грехи и грешки
Их к чертовской ведут сковородке,
Даже если они дураки
И пять раз дураки после водки.

Даже если от грязных порток
Тянет смрадом в давяльне и гуде,
Всё равно они люди, браток.
Хоть убей,
Хоть убейся,
А люди.

И касается их Благодать
Осторожно — да-да! — осторожно.
Очень важно на них не орать
(Если это, конечно, возможно).

На третий день

Я живу так тихо-тихо.
У меня душа лесная.
У меня душа-сиротка
Тихим голосом поёт.
И о том, что я влюбился,
Даже дочка не узнает.
А уж дочери — это самый
Проницательный народ.

По моей рубашке чистой
Утюгом проводит мокрым,
Смотрит медленно и зорко,
Будто снайпер на войне.
Подметает пол — и смотрит,
Наливает чай — и смотрит.
Только мне давно не страшно.
Третий день не страшно мне.

Пиросмани

Хорошие люди едят виноград,
И брынзу хорошие люди едят.
И с неба летят паутинки,
И нежно щекочут хороших людей.
А где же плохие на трапезе сей?
Но нету плохих на картинке.

Не Бог ли глаза твои поцеловал?
«Рисуй!» — разрешил Он. И ты рисовал.
И солнце играло на блюде.
И сам ты светился, как солнца посол.
А после, голодный, к столу подошёл,
Но пуст оказался обеденный стол.
Всё съели хорошие люди.

Кто это был

Вот напишу воспоминанья
(А будет в них одно враньё)
Про жизнь, любовь и мирозданье,
И про отечество своё.

Про всех поэтов разномастных,
Гостивших в комнате моей,
Талантливых и сплошь несчастных,
Родных от слёз и до соплей.

Чьи очи — мутные осколки —
Светлели от глотка вина.
Чьи строчки жалили, как пчёлки,
И жгли глаза, как ордена.

Джинн из неведомой бутылки
Взвивался в винные пары.
С ним за Есенина мы пили
И за Рубцова раза три.

Как не наврать, коль в звёздном звоне,
Предвидя завершенье дел,
Я до сих пор ещё не понял,
С кем за столом одним сидел.

Кто это был? Поэты? Волки?
Иль просто пьяный детский сад?
Теперь их книжки с верхней полки
Так укоризненно глядят.

Навру три короба, три лужи
Про тех, кто был родней родни.
Ничуть не больше и не хуже,
Чем ввали б про меня они.

Синички

Зимние птицы негромко поют,
Воздух суровый плеская.
Им бы хотелось, конечно, на юг,
Да Дед Мороз не пускает.

Вот и поют, и рябину клюют
Сосредоточенно — дружно.
Уж ничего не поделаешь тут:
Дедушку слушаться нужно.

Дедушка слушает пение их,
Часто во двор к себе кличет.
Дедушка любит их всех, как родных,
А особенно — синичек.

Старую эту любовь не избыть,
Время её не погубит.
Видно, синичек нельзя не любить,
Вот он синичек и любит.

Внучке своей говорит: «Не шуми.
Что, как позёмка, летаешь?
Главное — вовремя птичек корми
Иль никогда не оттаешь...»

Русским людям

Ах, если бы не было нас,
То как бы все счастливы были!
Плясали б гопак и кадрили
И гнали коней на Парнас.

Они бы смеялись во сне,
Они бы не кушали водки,
Друг дружке не резали глотки.
И много чего ещё «не».

Они бы играли в песке,
Не трогали спички и гвозди
И лишь целовали бы звёзды
На их полосатом флажке.

Они разучились бы врать
И к падшим явили бы милость,
Поверили б в Бога опять
(Без нас бы у них получилось).

Лишь знает сияющий Спас
В преддверье последнего Слова,
Что если бы не было нас,
Они б нас придумали снова.

Ничего

Ничего — не значит плохо и не значит хорошо.
Ничего — оно как слово не изучено ишо.
Ничего — всегда туманно и не видно до конца,
И по сути первозданно, словно тьма в руках
Творца.

Ничего нас надувает, как трюкач из шапито,
Будто подразумевает, что и в нём есть кое-что.
И с надеждою роскошной мы взираем на него:
Вдруг и вправду есть немножко кой-чего в том
Ничего.

Зренье брезжит воспалённо, не признав издалека.
— Как живёшь, мой друг-гулёна?
— Ничего, живу пока.

Ничего. В ночной постели смутно вспомню чью-то
тень.
Как он там на самом деле поживает, старый пень?

Порционные дни

В наши дни, порционно-вьюжные,
Плачут граждане безоружные,
Даже войны пошли ненужные
(А когда они были нужные?).

В наши дни, порционно-праздные,
Стали крайние меры быстрыми,
А сражения очень грязными
(А когда они были чистыми?).

В наши дни, порционно-бедные,
Все герои — немного бледные.
И лишь будучи шибко пьяными,
Пребывают они румяными.

И смотрю я глазами круглыми:
Что, Россия моя усталая?
Слишком порции наши — крупные
(А когда они были малые?).

Однажды

Однажды споткнусь и проснусь
Среди незнакомого люда.
Глазами заката коснусь
И вспомню, что я не отсюда.
И это ничуть не моё:
Сверкание люстр и трамваев
И глупое это тряпье,
Что мы на себя надеваем.
И странное это жильё
С мышинной окраской наружной —
Конечно, ничуть не моё,
И мне абсолютно не нужно.
А тех, с кем любовь разделил,
Как видится ясно отныне,
Я тысячу раз пережил,
Но так и не сделал родными.
Я тысячу раз превращал
Их в белую пену морскую
И помнить навек обещал,
И всё же по ним не тоскую.
Но в центре вселенской тщеты,
Далёкой от Правды и Бога,
Я помню большие цветы
И помню, что их было много.

И помню, как чудно я пел.
Ах, аист, жестокая птица.
Зачем ты за мной прилетел?
Я сплю. Ничего мне не снится...

Фотография на фоне парка

Хорошо, что деревья стареют.
Это значит: живые они.
Всё растут и ворчат, и мудреют,
Особливо в осенние дни.

Расцветают светло, а не пышно,
Сыплют цвет свой земле на подол.
И стучат их сердечки чуть слышно,
Те, которых никто не нашёл.

Только белка, скользящая тенью
По высокой-высокой сосне,
Слышит изредка сердцебиенье
В торопливой ночной тишине.

В старом парке тепло и коряво,
Будто дома, но в мире ином,
Где сомнения, страсти и слава —
Как лошадки на круте цветном.

Скачут.
Скачут бездумной дорогой
По округлой и вечной меже.
И не нужно им счастья и Бога,
Ничего им не нужно уже...

Струнный квартет

В дыхании струнных мелодий,
Плывущем, пьянящем слегка,
Опасные мысли приходят
На грани любви и греха.

Знакомы, а всё ж непривычны,
Тесны, как чужое пальто.
Их думать не очень прилично,
Но очень приятно зато.

Одно их присутствие мило,
Как в давнем окне силуэт.
Такая вот нежная сила
Заложена в струнный квартет.

А мыслям порядок неважен —
Им важен ночлег до утра.
Но я их кормлю, как дворняжек,
И тихо гоню со двора.

Беги, моя мысль,
Моя псина,
Ищи силуэты в окне,
Которым сия чертовщина
Намного нужнее, чем мне.

Гуманоид

Этот странный ребёнок — почти гуманоид.
Он большими глазами глядит, что к чему,
И решает теперь,
Стоит или не стоит
По базару людскому гулять одному.

Неуютно и страшно на шумном базаре.
И хоть люди добреют, как дети, весной,
Но вообще-то мы все
Очень злобные твари,
Особливо коль к нам повернёшься спиной.

И не шибко-то любим родную планету,
Заплевав её вусмерть за много веков.
А у них, гуманоидов, этого нету,
Нет у них, понимаешь, таких дураков.

И глядит он,
И думает: «Стоит? Не стоит?
Улететь? Или малость подольше побыть?»
А ему говорят:
«Не спеши, гуманоид.
Дай хоть маме редиски в дорогу купить».

Последняя охота

Коль вострубит последняя охота
И все начнут стрелять в кого-нибудь,
Не дай, Господь, мне в руки пулемёта
И ленту пулемётную на грудь.

Склонись к моим сомнениям тревожным.
Но если впрямь стрельбы придёт черёд,
То сделай меня камнем придорожным
На два тысячелетия вперёд.

Чтоб два тысячелетия угрюмо
Я простоял под солнцем, мхом, травой
И непрерывно
Думал,
Думал,
Думал
О странном мире, созданном Тобой.

Бобик

Бобик, Бобик, не лай на луну
Так застенчиво, так одиноко.
Не роняй от досады слюну:
У неё таких бобиков много.

Не услышит она, хоть умри.
Ты представить не можешь, мой милый,
Сколько бобиков с этой горы
На неё и скулило, и ныло.

Ты, наверное, думаешь: «Эх,
Вот услышит, запомнит, сомлеет». —
«Этот бобик несчастнее всех, —
Скажет: — Дай-ка его пожалею...»

И возьмёт тебя жить в свой чертог,
И накормит похлёбкою вкусной.
Или впрямь что-то есть, видит Бог,
В этой вечной мольбе безыскусной?

Домик

Что за речка течёт между мыслью и словом?
Холодна, глубока, да и берег крутой.
И стоит на нём домик
Поэта Рубцова,
Очень маленький домик с большой бородой.

Тут капуста до срока в бидоне не киснет,
Тут мочёные яблоки есть и вино.
Тут встречаются мои одичавшие мысли,
Произносят их вслух
И кидают в окно.

И плывут они,
Словно тумана кусочки.
И кивает поэт, и даёт им «добро».
И на чистом листе появляются строчки
Перед тем, как к нему прикоснётся перо.

В тридевятом царстве...

Много царских детей разбрелось по земле,
Разлетелись в дыму сиротливые птицы.
Золотистая метка на птичьем крыле —
Золотистая родинка выше ключицы.

Истерично кричит узурпатор-злодей,
Опустели карманы подземной темницы.
Только скачут отряды и ищут людей
С золотистой родинкой выше ключицы.

Разлетелось семейство волшебной листвы.
И во всём государстве теперь постоянно
Повышается уровень вечной любви,
Понижается уровень тьмы и обмана.

И трясутся устои паучьих дворцов.
В них дрожат витражи и скрипят половицы.
И рождают крестьянки грядущих бойцов
С золотистой родинкой возле ключицы...

В приёмной

От свадеб драчливых и злых похорон,
От звёзд, опрокинутых в старость,
От диких, счастливых, жестоких времён
Лишь слово «товарищ» осталось.

Суров и спесив ваш взыскующий взор,
В котором есть суть неживая.
Простите, товарищ,
Что я до сих пор
Товарищем вас называю.

«Товарищ!» — кричу я. И слышно стране.
«Товарищ...» — шепчу я убого.
А что ещё делать
Безгласному мне,
Чтоб нас уравниать хоть немного?

«Товарищ, а где ж наша спайка сердец?» —
Я думаю в странной обиде.
Какой ты мне на ... товарищ, стервец?
Я что? Настоящих не видел?

Тревожных и светлых, и чудных на вид,
Навек отделинных от стада.

«Простите, товарищ...»

Но он не простит.

Да мне и не больно-то надо.

Не садитесь в изголовье
К умирающему эху
С окровавленную грудью,
С горьким запахом питья.
Там застряло в горле слово,
Как серебряная пуля,
Предназначенная зверю,
А попавшая в дитя.

Слово, лёгкое, как дымка,
И тяжёлое, как камень,
Проходящее сквозь стены
И сквозь кожу, как рентген.
Умирающее эхо
С перебитыми ногами —
Ты лишь только отголосок,
Отразившийся от стен.

Ты лишь тень чужих страданий,
Ты не плоть, а лишь виденье.
Не листва, что серебрится,
А дыхание листвы.

Неужели это больно —
Быть божественною тенью?
Неужели это горько —
Быть лишь отсветом любви?

Шекспировский дождь

На честном слове держатся миры,
Души и плоти хрупкая основа.
Давно бы всё сошло в тартарары,
Но кто-то дал однажды это слово.

Меняются условия игры,
Хрустят, как стёкла, хрупкие надежды,
Трепещут и шатаются миры.
Но тот, кто слово дал,
Тот слово держит.

Презревший и хулу, и похвалу,
Он осеняет всякую обитель.
И знает он,
Что я тебя люблю
И что тебя я никогда не видел,

Что ты устала ждать и я устал.
Стократно ты,
А я тысячекратно.
Но Он за нас с тобою слово дал,
А слов своих Он не берёт обратно.

Танцы

Белый танец — простительный грех,
Как цветок — сквозь решетку в темнице.
Белый танец придуман для тех,
Кто уже ничего не боится.

Он как облачко,
В противовес
Всем засовам, задвижкам, заглушкам.
Он к тебе приплывает с небес
И неслышно целует в макушку.

И редет угрюмая муть...
Лишь однажды пройти над обрывом,
Лишь однажды в глаза заглянуть —
И остаться навеки счастливым.

Пусть вдали, в завершение утех,
Чёрный танец грядёт, как темница.
Чёрный танец —
Он тоже для тех,
Кто уже ничего не боится.

Древо

Сквозь семь небес проросший стебель
Не дух, но всё же и не плоть.
Любовь живёт на третьем небе,
А на седьмом живёт Господь.

А мы у самого подножья
Сумбурный водим хоровод.
Сквозь семь небес глядеть не можем,
Сквозь три — кому как повезёт.

А в первом — круглый пласт тумана
Плывёт простором голубым.
А в первом небе — папа с мамой.
Кому ж и быть там, коль не им?

Они не сеют и не пашут,
А постигают чудеса.
Они нас встретят и расскажут
Про остальные небеса.

Колыбельная

Спи, сынок.
Шибко много не требуй.
Хватит хлеба, воды и жилья.
Есть над небом ещё одно небо.
Под землёй есть другая земля,

За рекою ещё одна речка,
А за снегом ещё один снег,
Под сердечком — второе сердечко...
Вот и будет ещё человек.

Про поэта Тютчева Фёдора

И не худший, и не лучший среди юных непосед,
Жил-был мальчик Федя Тютчев, в цирк ходил
и на балет.
Повзрослев, стал тих и светел, на свиданиях
краснел,
Потому что очень Федя сердце нежное имел.
И на службе государевой за высокими дверьми
Терпеливо разговаривал с разночинными людьми.
Не играл в большого лирика с откровеньем
на устах,
А стихи писал лишь изредка, про любовь
и просто так:
Там маленько,
Здесь немножко...
Не сражая наповал.
Будто свечкой из окошка знак кому-то подавал.
А потом ушёл со свету. Встал Господь с утра,
глядит:
А на свете Феде нету, Федя рядышком стоит.
Я давно гадаю всеу, ощущая тяжесть лба,
Почему меня волнует эта дальняя судьба.
Проходя меж слухов, сплетен, снегом времени
хрустя,
То окошко я заметил полтора-два года спустя.

Как оно живёт печально, и как вверх наискосок
Проплывает в нём хрустальный, серебристый
огонёк.

Эта искра озорная сквозь снега скользит, маня.
И никто о ней не знает, кроме Бога и меня.

Глазици

Когда русалка уйдёт из воды
И устанет парить орёл.
Когда на дороге проступят следы
Всех тех, кто по ней прошёл.

Когда на горе свистнет пьяный рак
И дождик польёт в четверг.
Когда облака обратятся в прах,
А прах вознесётся вверх.

Когда выдаст Бог, а свинья съест
И захочет Кощей умереть,
Вот тогда мне, может, и надоест
В глазици твои смотреть.

Если грустно...

Забавное желание — не думать.
Ходить — не думать
И сидеть — не думать,
И старый потолок белить — не думать.
Чего тут думать, коль пора белить?
И сладкое желание — не помнить.
Тебя не помнить
И себя не помнить,
И всех, кто за окном живёт, — не помнить.
Чего их помнить? Чай, и так живут..
Живут себе,
Гнездятся, пузырятся.
Приходят в гости, вежливо стучатся.
Но как бы ни старались различаться,
А в общем-то все на одно лицо.
Как эти птички,
Серенькие перья,
Которых Бог не ради смысла создал,
Не ради красоты иль сущей пользы,
А просто — чтобы жили,
Вот и всё...

Кинопроба

Меня, конечно, не касается,
Но мне действительно смешно,
Какие лютые красавицы
Играют нищенок в кино.

Гримёрша плакала бывалая,
Истратив тушь и пудру, чтоб
Нарисовать морщинку малую
На этот выхоленный лоб.

Да и к чему насильно морщиться?
Всё можно и без колготни.
Ну хоть бы нашу взять уборщицу,
Сказать ей: «Тётя Клав, рискни.
Сядь, отдохни чуток на досточке.
Мозгами больно не шурупь.
Как подойдёт мужчина с тросточкой,
Так даст тебе железный рупь».

О, как бы всё перекорёжилось
В цветном экране для людей.
Да вся Европа бы поёжилась,
Когда б в лицо взглянула ей.

И даже Мишенька Анищенко
Вздохнул бы, выключив канал:
«Вот это нищенка, так нищенка...
Такой и Плюшкин бы подал».

Василий Васильич Семёнов —
Мужчина степенный и видный.
Василий Васильич Семёнов
На боцмана чем-то похож.
Он хлеб преломляет руками,
Он нас угощает стихами.
Он словно папаша над нами
И тем-то, подлец, и хорош.

Он сплетням людским неподсуден,
Он ест и селёдку, и студень.
Он каждой порожней посуде
Своё содержанье даёт.
И мы рядом с ним веселимся,
И мы никого не боимся,
И мы никому не сдадимся,
Как весь православный народ.

Паучок

А ночью вернулась зима.
Захлопнула раму сурово
И в кружево летнего сна
Вплела паучка голубого.

В моём дивно-розовом сне,
Где я то люблю, то ревную,
Он ходит и ходит по мне,
Плетя паутинку стальную.

И лапки его холодны,
Прилипчивы и осторожны.
И все паутинки нежны,
Но их оборвать невозможно.

Он ходит всю ночь напролёт,
Как будто ворона по крыше.
Шуршит или тихо поёт,
Так тихо, что лучше не слышать.

Так тихо, что зябко душе.
Но за два часа до рассвета
Я вспомню, где слышал уже
Беззвучное пение это.

Малая земля

Дивный воздух
На малой земле,
Малой, малой
(На три огорода)...
Керосинка
Да щи на столе,
Да полфляги цветочного мёда.

Сделай вдох и скажи, каково?
Приходи, хлебоносная осень.
Ну а ежели нужно чего,
Не крадём, а у Господа просим.

Дай нам, Господи, сладкой земли,
Хлеба-соли
Да волюшки-воли,
И Ванюшку с утра похмели.
И жени его, Господи, что ли.

Нам бы, главное,
Злобу забыть,
Меньше лаять
И пить поумнее,
Да в сердцах никого не убить —
Это, Господи, даже главнее...

След

В кармане — семечек две горсти
С табачной крошкой пополам.
Я прихожу к закату в гости,
К его стоянке
И кострам.

Гори, закат,
Ты брат мой кровный.
Была прогулка весела.
— Гляди-ка,
След какой неровный...
Кто тут прошёл?
— Да жизнь прошла.

О философии

В кромешной тьме, как в материнском лоне,
Не страшно. Только дождь идёт, шурша.
А в тупике, в заброшенном вагоне,
Живут два респектабельных бомжа.
Философы. Один из Запанского,
Другой (во , чёрт!) — из Сызрани якут.
Тут не услышишь матерного слова.
А дальше, чем за водкой, не пошлют.
Мне тут тепло, как дома, и не тесно.
Бананов гроздь да хлеба каравай.
— Якут, не мельтеши, скажи мне честно,
Как по-якутски будет — «наливай»?
Поговорим о Марксе, о Сократе,
О воровстве московских воротил.
Что человек?
Стреляет, любит, платит.
А после — бац! — и будто и не жил...
В кромешной тьме весь мир нас позабудет.
Где под дождём фонарь луны погас —
Лишь только б там ещё остались люди,
Пусть даже и отвергнувшие нас.

Я хотел бы ходить как часы,
Постоянно, размеренно, тихо.
Не бояться ни тьмы, ни грозы,
Ни иного природного лиха.
Говорить: «Не печалься, народ,
Не показывай пальчиком с краю.
Это вовсе не время идёт —
Это я тут, сердешный, гуляю.
Никого я с собой не зову,
Ни друзей драгоценных, ни женщин.
Я гуляю и ландыши рву.
Рву, а их не становится меньше.
Рву, а день переходит в рассвет,
Чтобы я, наступая на лужи,
Вдруг заметил,
Что времени нет,
Ни во мне его нет, ни снаружи.
Чтоб шептался в Садовке народ,
Забивая калитку гвоздями:
«Это вовсе не время идёт —
Это Женька ушёл за цветами».

Шарфик

Ладони греет хлебная буханка.
У булочной собрание голубей.
Зима — дворянка,
А весна — крестьянка.
И нынче мы крестьяне вместе с ней.

Мы с ней бредём, беседуя о жизни,
А влажный воздух просится к губам.
Мы очень просто,
Как при коммунизме,
Ломаем хлеб себе и голубям.

На шарфике — сиреневая мушка.
Слова, как щепки, брошены в распыл.
Зима — молчунья,
А весна — болтушка...
А шарфик я ей сам вчера купил.

Гостиница

Я здесь жил этой длинной зимой,
Я здесь кровью писал свою повесть.
И пред тем,
Как отъехать домой,
Прибираю свой номер на совесть.

Коридорная, ты не ворчи,
Не показывай крошки от хлеба.
Не тебе я оставлю ключи,
Те, которые выброшу в небо.

На дорожку с тобою не пью.
Собутыльники добрые редки.
А за каждую крошку мою
После даст тебе Бог по монетке.

А вот те, перед кем виноват,
С кем бы выпил
До песни,
До драки —
Те давно уже дома сидят
И меня поджидают, собаки.

Куклы

Бывают дни — пустые куклы
И по рождению — не мои.
В них тридцать три российских буквы
Шипят, как тридцать три змеи.
И нервно куришь сигарету.
И мрачно думаешь о том,
Что нет любви и счастья нету,
И правды нету за окном.
Но непонятная прохлада
На лоб ложится, как рука,
И говорит: «Не ври, не надо.
Прекрасна жизнь,
Да коротка».
Прекрасна...
Милостивый Боже,
Ведь посылал же Ты нам весть,
Что есть Любовь
И Счастье тоже...
И даже Правда где-то есть...

Главврач

А из нашей психбольницы
Под названием Земля
Все врачи давно сбежали,
Рвя подмётки и пыли.

Говоря: «Какого чёрта
Дни напрасные влачить?
Бесполезно этих психов
От чего-нибудь лечить».

Лишь один
Усталый лекарь
Не бежит отсюда вскачь.
Самый мудрый,
Самый добрый,
Самый старый
Главный врач.

Смотрит долго
Психам в глазки,
Не крича и не браня.
Говорит:
«Побольше ласки...
И ремня, ремня, ремня...»

Слуга

Как хорошо не быть слугой народа
И вообще не быть ничьим слугой.
Не заезжать в тяжёлые ворота,
Не пить коньяк безумно дорогой.
Не заводить китайскую собачку
И к ней в придачу куколку жену.
Не прятать в плинтусах свою заначку:
На чёрный день, на кризис, на войну.
Не открывать души и робкой сути
В компании влиятельных дружков.
Не трепетать:
А вдруг приедет Путин
И всех поувольняет, как щенков.
Не затыкать бильярдными шарами
Голодных ртов, разинутых окрест.
И не держать
Прилюдно
Свечку в храме,
Всю жизнь боясь, что Бог и вправду есть.

Наскальной живописи плач...

Ухмыляясь,
Как хищник наскальный,
Что, ожив, ковыляет к ручью,
Возвращается строй феодальный
Потихоньку на землю мою.

Те же замки, поместья, бароны.
Но исчез уже рыцарский дух.
И живут в этих замках драконы,
Чьи невесты похожи на шлюх.

И грустят опустевшие скалы:
Без драконов им скучно стареть.
И пируют всю ночь феодалы,
И боятся на скалы смотреть.

Но во прах превратится невеста.
А, к рассвету познавшие страх,
Все драконы вернутся на место,
Чтобы тоже рассыпаться в прах.

Про дедушек

Я на дедушку очень похожий,
На кефире живу и овсе.
И друзья мои — дедушки тоже,
И враги мои — дедушки все.

Стали старыми в книжке страницы,
Где оттиснут мой старенький труд.
И летят мои дедушки-птицы,
Птицам-бабушкам крошку несут.

Ни храбрее не стал, ни умнее,
Только лишь необычней на вид.
А глаза мои стали синее:
Это бабушка мне говорит.

Я коллекционирую приветы,
Их у меня уже два миллиона.
А в маленькой сиреновой коробке —
Два стареньких привета от тебя.
Они такие старенькие,
Словно
Два высушенных аленьких цветочка
Иль две таких же высушенных мысли
О жёлтых колокольчиках огня.
Прислушаешься:
Раз — и зазвенели.
И уши жжёт, и согревает сердце.
А из моих ботинок вылезает
Супружеская пара домовых.
«Так, так...» — они кивают головами.
«Так, так...» — и со стола летит конфета.
И я,
Достав наливку из буфета,
Согласно отвечаю им:
«Так, так...»

Человечек

Никому не рассказывай,
Как ты стирал
Человечка в альбоме
Рукой бессердечной,
Как ты с ангелом солнечным
В прятки играл
И чуть-чуть
Не удрал с ним из дома навечно.

Ведь нельзя признаваться
Друзьям и врачам,
Что ты чуешь нездешние запахи в доме,
Что тебе ещё снится
По долгим ночам
Человечек,
Которого стёр ты в альбоме...

Из школьного окна

Человек, гуляющий по крышам,
Не боишься, что ли, высоты?
Для чего забрался ты всех выше?
Люди не гуляют, как коты.
Человек, гуляющий по крышам,
Вдруг остановился на краю.
Он меня, наверное, услышал,
Посмотрел он в сторону мою.
Ни в словах, ни видом не запальчив,
Засмеялся, снова поглядел
И сказал серьёзно:
«Да, мой мальчик,
Люди не коты...»
И полетел.
Медленно над миром он кружился,
Угловат, спокоен и бескрыл.
Главное, что я не удивился.
Я ведь так ему и говорил.

Полдень в мартовском саду

Аптека, улица, фонарь...

Поэт

Март,
Как носитель малокровья,
Идёт расхлябанным путём,
Похожий на журнал «Здоровье»,
На храп и на казённый дом.

Но всё ж и в нём любви немало.
Проснись, медведь, сядь на пенёк.
Всё начинается сначала:
Мимоза, бантик, ручеёк.

Да я и сам пройдусь по саду,
Устав от зимних долгих строк.
И на пенёк промёрзлый сяду.
И, выпив, выну пирожок.

И стану, как школяр за партой,
Вздыхать, мечтая покурить
(Чего там на восьмое марта
Моей старушке подарить?).

С весной и кошкой нас тут трое.
И всем троим нам невдомёк,
Как это всё Господь устроил:
Мимозу, бантик, ручеёк.

И этот сад, забитый снегом,
И этот свод, залитый небом.
А также посереёдке дня
Не очень пьяного меня.

Тупое слово «шопинг»

По дорогим магазинам
Нечего в старость ходить.
Чтоб не казаться кретином
И никого не убить.

Чтоб не зевать восхищённо,
Цокая в лад языком,
И не дышать учащённо
При восхищенье таком.

И не шептаться, почуяв,
Как просыпается зверь:
«Бляха! Живут же буржуи.
Фиг ли не жить им теперь».

Так всё устроено дивно,
Братья мои и друзья,
Что от буржуев противно
И без буржуев нельзя.

Пусть себе пьют и гуляют.
Лечат тщеславия зуд.
Пусть, что хотят, покупают
И, что хотят, продают.

Что же на сердце тоскливо?
Хватит, душа. Перекур.
Лучше сходили б за пивом,
Как говорил Эпикур.

Весы

Хоть столица, хоть задворки,
Хоть, в пример, ни то ни сё,
Только бьют тузов шестёрки,
Бьют, паскудники, и всё.

Плесень. Подлая порода.
А шарахнет — и готов.
Повелела мать-Природа
Непременно бить тузов.

Чтоб не выпала обуза,
Чтобы в грозные часы
Не ложилось много груза
На Господние весы.
Чтоб, смиря страсти наши,
Заметённые золой,
Неподвижно стыли чаши
Между небом и землёй.

Маня

У старой кикиморы Мани
На сером болоте
Сгорел камышовый домишко
В четыре утра.
Фанерная ширма. Клеенчатый столик
напротив.
И два одеяла, что я подарил ей вчера.
Ворчу на неё:
«Уж и космы твои поседели.
Ну что же ты, Маня,
По жизни шуршишь, как метла?
Опять, небось, в ночь засыпая,
Курила в постели
Да плюс перед этим
Настойку из клюквы пила?»
— Ей-ей, — говорит
И ручонками машет, как птица.
— Ей-ей, — говорит
И становится чёрта страшней.
— Ей-ей, — говорит.
И пытается перекреститься...
И это уже... получается вроде у ней...

Не возлюбили мы врагов...

Впустую прожиты века
И выпиты златые чаши.
Не грош цена,
А полплевка
Благим намерениям нашим.

Плескалось горькое питьё,
Кровь, перелитая от змея.
Грешно Отечество моё.
Но прочие ещё грешнее.

Ронялись лживые слова
Дождём из капель осторожных.
Сгорали души, как дрова,
В огне желаний невозможных.

О, Господи, я подл и зол,
Как все мои земные братья.
Что Ты такого в нас нашёл,
За что не жалко — на распятье?

Что Ты такого разглядел
В слезах, расчётливо пролитых.
В кровосмешенье жарких тел
И обязательных молитвах?

Что в нас таится: стыд ли, честь?
Что это есть? Шепни нам в уши.
И если *это* всё же есть,
То отчего мы водку глушим?

И почему, в пыли веков
Промчав в бессилии и силе,
Не возлюбили мы врагов,
Да и друзей не возлюбили...

Давным-давно, зимою лютой...

Блестит, куда ни посмотрю,
Район, как юбилейный вымпел.
Тут и чайку-то не с кем выпить
(Про водку уж не говорю).
Кропая вирши от руки,
Средь генералов и бандитов
Здесь жил один поэт сердитый,
Да удавился от тоски.
К нему ходил я средь зимы
Развеять глупые печали.
Но, помню, чай не пили мы
(Хотя по чашкам разливали).
Всю ночь сидели, говоря
Про наше царство-государство,
Про наше жадное боярство
И полупьяного царя.
Про эту Родину-рваньё,
Сиротку на чужом вокзале.
И так уж мы её ругали,
И так любили мы Её,
Её трагический распев
Чуть слышно трогая губами.
И Муза плакала меж нами,
Как дочка, рядышком присев.

Прости нас, пташка за окном
И пёс дворовый симпатичный,
Что много пьём и много льём,
И много врем о жизни личной.
И всё-то снегом занесло,
Упавшим с исполинской ветки:
Любовь и смерть, добро и зло,
И мятный чай на табуретке.
И замечает все пути,
И нет просвета в небе низком.
До Чёрной речки не дойти,
До тёплой печки слишком близко.
На чёрный день...
Бывает умным даже полоумный,
Когда уже отчаётся народ.

Жанна

Твой конь с волнующейся гривой
Уносит вдаль и даже ввысь.
Всё верно: не родись красивой.
А лучше вовсе не родись.

Кровоточат чужие раны,
И не поймёшь, где кровь, где грязь.
Шуршат шелка. Бьют барабаны.
Ты родилась! Ты родилась...

Походный плащ пропитан дымом,
И наготове вороньё.
Кому-то так необходимо
Сейчас рождение твоё.

Он разрешает вдохновенно
Все заморочки бытия.
И смерть твоя ему, наверно,
Ещё нужней,
Чем жизнь твоя.

Чёрный день

Бывает умным даже полоумный,
Когда уже отчаётся народ.
На чёрный день сберёг я ветер шумный.
А чёрный день давно уже идёт.

А чёрный день разбрасывает слёзы,
Как сеятель, натруженно кряхтя.
Не задавайте детские вопросы
Тому, кто по призванию дитя.

— Ты слышал крик и выстрел на рассвете,
И чей-то плач?
— Нет, милая моя.
Я слышал ветер, ветер, ветер, ветер.
Тысячелетний ветер слышал я...

Друзьям

Опять ищи на всё ответ
Внутри себя.
Опять найди ещё вопрос
Взамен него.
«Не отрекаются, любя...»
А не любя,
И отречься ни к чему
Ни от кого.
Но много воли и небес,
И голосов,
На непонятном языке
Несущих весть,
И ослепительная суть
Средь смутных снов
Тебе покажет, кто ты был
И кто ты есть.

Не чисти пёрышки свои
И дни свои,
Когда шатался пьян и сыт,
И натошак,
Когда женился по любви
И для любви.
Но не с любовью прожил жизнь,
А как-то так...

Не зря же высветилась даль
Средь смутных снов,
Куда стремится, шелестя,
Души струя,
Где много воли и небес,
И голосов.
И где похожи на меня
Мои друзья.

Друзья мои, простите мне
В контрольный час
Хотя бы то, что я, без вас
Неся свой грех,
С любовью или без любви
Похож на вас.
И то,
Что всех вас не люблю,
Но помню всех.

Таинственное дерево сирень...
— Она кустарник.
— Да зови, как хочешь.
Таинственный кустарник каждый день
С утра напоминает мне о ночи.

Сирень кудрявит кружево своё
Запутанно, волнообразно, чуждо.
И запахи её не для полудня —
Для тёмной ночи запахи её,
Когда лежит космическая тень
И все предметы кажутся коварней.
Таинственное дерево — сирень.
— Она кустарник.
— Хоть бы и кустарник.

Она как будто дышит под окном.
И хочется с её дыханьем слиться.
Все замужем,
Одна сирень — девица,
Хотя сама не ведает о том.

И запах её тайной отдаёт.
Как зелье,
Где любви две-три щепотки.
И кто-то там сейчас стоит и пьёт
То, что должны пить люди вместо водки.

Гирляндами светясь среди листвы,
Сирень цветёт
И гибнет в день базарный.
Таинственное дерево любви.
— Она кустарник.
— Да, скорей кустарник...

И я там жил...

Как звон колокольный гудёт,
Как дух колокольный плывёт,
Как мир колокольный живёт
Степенно и скрыто.
Там ходит смешливый народ,
Там греется пёс у ворот.
Там нет холуёв и господ,
Ментов и бандитов.

Под липовым цветом густым,
Волнующим и молодым,
Там мы с моим другом сидим,
Чуть справа от бани.
А в бане — прекрасный парок
И очень высокий полук.
И тянется к небу дымок
Соломкой в стакане.

Забыта кровавая пыль,
Высокий и будничный штиль,
Забыта цветная кадриль
И чёрная пашня.

Попарились — и хорошо.
Оттаяли — и хорошо.
Очистились — и хорошо.
И больше — не страшно...

Да кто бы знал, что дождик холост?
Вот он под солнышком идёт,
И сразу видно:
Прост и молод.
И любит всех, кого найдёт.

И тычется слепым кутёнком
Проходим в плечи и бока.
Такого резвого ребёнка
Женить-то боязно пока.

Когда-нибудь в краю неброском
Он, возлюбивший наяву,
Найдёт себе свою берёзку
И упадёт в её листву.

И растворится, как ромашка,
Среди цветов в родном саду.
А то бредёт себе, бедняжка,
И спит, как суслик, на ходу.

Спящий

Кто любит, тот уже ничей,
Тот уже замер над обрывом.
Хоть водку лей,
Хоть морду бей,
А он останется счастливым.
Он вне стишков и вне поэм.
Он спит, и хрен его разбудишь.
Реши хоть сотню теорем,
А ты умней его не будешь.
И не отнимет счастье то
Ни жизнь, ни смерть, ни злое чудо.
А если и разбудит кто,
То лишь Христос...
Или Иуда.

Антимечта

Из сердца вон.
И даже сердце вон.
Как хорошо проснуться без него
И выйти из подъезда прямо в город,
Не замечая встречных похорон.
Привычно руку приложив к груди,
Почувствовать пластинку золотую
Взамен стрелы
Никчёмной и горючей.
Её обломки где-то позади.
По женскому счастливому лицу
Скользнуть глазами, лёгкими, как снег,
Сварить бульон из раненой жар-птицы
И рукопись рассыпать по крыльцу.
Как хорошо не плакать и не врать,
И отвечать без страсти и запинки
С уверенностью пишущей машинки,
Которая не может заорать.
Предательство теряет твердь основ,
Когда пред ним распахивают двери
И приглашают, словно полотёра,
Проверить ослепительность полов.

Входи в мой дом,
Где ты живёшь давно.
Я буду рад принять твою работу,
Проглатывая скучную зевоту.
Как птица надоевшее зерно...

Хандра

Грущу. Ворчу на домочадцев.
Кусаю время, как ломоть.
И хочется брюзжать, ругаться,
И полстраны перепороть.

И часто думаю сердито,
От срама яркого устав,
Что чёрный дядька инквизитор
Частично в чём-то был и прав.

Частично, в чём-то, как-то, где-то...
Но одного лишь не пойму:
Ужель сейчас так много Света,
Что он не нужен никому?

И потому из башни, скрытой
Во мгле веков,
В урочный час,
Вздыхает дядька инквизитор
И долго молится за нас.

Когда я был старым

А когда я был старым-старым,
Будто ворон иль мудрый змей,
Я ходил по шумным базарам
И смотрел на чужих коней.

Были кони стройнее свечек,
Масти огненной и гнедой,
И позвякиванье уздечек
Лилось музыкой золотой.

Но ни рыжего, ни гнедого,
Как ни силился отыскать,
Не нашёл я коня такого,
Чтоб от старости ускакать.

А потом я всё это бросил
И вернулся, чтоб жить как жил.
И нашёл на дороге осень,
И за пазуху положил.

И сказал себе: «Вот так чудо.
Никогда не расстанусь с ним.
Никуда убегать не буду...»
А потом я стал молодым.

Триста лет до падения Трои

Богиня охоты!
Пойдём на охоту со мной.
Подстрелим ворону,
Которая каркает много.
А тигру уступим дорогу
На тропке лесной.
А тигров так мало.
Что их не по-божески трогать.
Богиня охоты!
Отыщем избушку в лесу.
Достану я хлеб из мешка
И заварку для чая.
А тигр пусть гуляет
И в позднем коварном часу
Пускай нас окликнет
Роскошным и страшным ворчаньем.
Ты мне в эту ночь
Как упавшая с неба сестра.
Я так одинок,
Что на сердце светло и тревожно.
Всё глуше тигриная песнь,
И летит мошकारа
На свет очага.
И её воротить невозможно.

Ты будешь задумчива
И молчалива, как Бог.
Уснёшь, прислонившись щекой
К голубому колчану.
А утром в окошко
Влетит осторожный листок.
Когда наконец я проснусь.
Но тебя не застану.

Про медведя

Запомни, глупая девчонка,
Своей сопливой головой:
Когда ты любишь медвежонка,
То он становится живой.

Шуршит на кресле, как ежика,
И слышит всё, как в норкемышь,
И даже дышит,
Только тихо,
И кофе пьёт, пока ты спишь.

Он машет плюшевою лапой
И чуть рычит из-под стола.
Была б ты умною, как папа,
Давно бы это поняла.

А впрочем и сейчас не поздно.
Умойся. С полу прибери.
Сядь на диванчик и серьёзно
С ним обо всём поговори.

Не горюй...

Не горюй. Ничего не случится.
Не замёрзнут синички в лесу.
Шелестнёт осторожно страница,
Глядь, а там и тепло на носу.

Не горюй.
Меньше радио слушай.
Чай достань и коробку с песком.
Как сказал серый волк:
«Плюнь, Ванюша.
Век учись, а помрёшь дураком».

Не горюй. Что за страсти-мордасти
Развели на душе хоровод?
Просто мало у Господа счастья,
Вот помалу Он нам и даёт.

Только ветер шумит, обделённый,
Прорываясь сквозь веер времён.
Вечный нищий
И вечный влюблённый,
Позабывший, в кого он влюблён.

На скамейке вдвоём...

Гитара скрипке не товарищ:
У скрипки грустные глаза.
Они встречаются тогда лишь,
Когда не встретиться нельзя.

Они играют на скамейке
Средь вечерющей весны.
И две мелодии, как змейки,
Друг с дружкой переплетены.

Трепещет скрипка — ветка-веточка.
Душа гитары широка.
Как будто маленькая девочка
Нашла пропадающего щенка.

Радуга

Здесьняя радуга ближе нездешней
Тем, что плечо задевает моё.

Грешная радость
Не хуже безгрешной,
Только вот бьют, говорят, за неё.

Разве ты, радуга, не понимаешь?
Все пересчитаны грешные дни.
Что же ты
Нежно меня обнимаешь
И не боишься, что мы не одни?

Коробка

Ни огня — во мраке длинном,
Где и зрячий как слепой.
Спит коробка с пластилином,
Спим в коробке мы с тобой.

Поутру, как замаячит
Проблеск дня в щелях дверей,
Снова слепит милый мальчик
Дом, деревья и людей,

Солнце, брёвна на запруде,
Нас, коляску и дитя.
Если ж нынче позабудет...
Слепит тыщу лет спустя.

Пусть воют волки на Луне
И тесть ворчит с портрета —
Ты улыбаешься во сне,
И мне приятно это.

Всю жизнь с тобою пить и есть,
И быть единой тенью.
И что мне чёрт? И что мне тесть
При этаким везенье?

Ведь с детских лет известно мне
И просто, как калоши:
Кто улыбается во сне,
Тот человек хороший.

Зимние прятки

Нет, я не человечище, не глыба.
Я человек, мороженный, как рыба,
Как пёс в обледеневшей конуре —
В палатке спекулянтской в январе.
В песках пустыни поступь каравана
Мне грезится. Иль, как сказал поэт:
«В полдневный жар, в долине Дагестана...»
О, Господи, почто меня там нет?

Зато меня тут не кусают мухи.
А если выпить триста грамм сивухи,
То жизнь предстанет радостной до слёз.
Ну что, сыграем в прятки, Дед Мороз?
Ищи меня в застуженных палатах,
Средь хрупких веток, белых простыней,
На бельевых трапециях распятых,
Средь снежных баб и ледяных коней.

Ищи меня, как беглого смутьяна,
Не ведая, что я давно в мечтах
Лежу себе в долине Дагестана
И пью вино с улыбкой на устах.

А рядом ровно двое, как в аптеке,
Уставшие от вьюги бытия,
Лежат вповалку русские абреки,
Небритые и добрые, как я.
И злой чечен, не очень-то отважный,
По кругу ходит, как и мы, небрит,
Тряся пустым стаканчиком бумажным,
И просит, весь дрожа: «Налей, джигит!»

Но я не слышу. Мне тепло и сладко
Среди небритых, как и я, друзей.
Мне снится спекулянтская палатка
И Дед Мороз, зависший перед ней —
Обманутый, усталый, постаревший.
Средь города.
Среди большой зимы.
Печальный Дед Мороз, осиротевший.
Небритый даже более, чем мы...

Когда окончу Университет —
А это обязательно случится —
Я научусь сквозь плотные ресницы
Смотреть на то, чего на свете нет.

Пройдусь перед чертой и за чертой,
За все загадки знанием отомщённый.
И мне протянет лапу кот учёный,
Позвякивая цепью золотой.

Когда окончу
(А когда — Бог Весть),
Воскликну изумлённо и уныло:
«Ого. Вот, значит, как оно всё было,
Ага! Вот, значит, как оно всё есть».

И разграничу цвет и пустоцвет,
Трещотки и Божественные громы.
Когда окончу Университет,
Мне будут ни к чему уже дипломы...

Момент

Вы представляете момент,
Когда прервётся тишина,
Стоявшая вокруг сто лет
Иль две недели.
Когда не чуешь, жив иль мёртв,
Когда не знаешь ни хрена,
Где проживаешь —
В январе или в апреле.

И вновь возникнут звук и речь
В моей рассеянной судьбе.
И помолюсь который раз на это чудо.
И снова сядут на трубе
Две храбрых буквы — А и Б,
И будут ждать,
Пока я их сниму оттуда.

Волшебник

На базаре, в шумихе воскресной,
Где рубля не жалеет народ,
Неумытый, небритый, но трезвый
Злой волшебник
Гармонь продаёт.

Он глазами, как заяц, петляет,
Он угрюм, как медведь после сна.
Злой волшебник играть не желает,
И гармошка ему не нужна.

Превратил бы он в камень планету,
Но давно позабыл волшебство.
И давно разлетелись по свету
Все волшебные вещи его.

Фонари

Что, казалось бы, в жизни случится?
Но вчера из вечерней зари
Вылетали огромные птицы,
Как крылатые фонари.

В голубую и душную темень
К моему подлетали окну.
И стояло песочное время,
Упираясь в песчинку одну.

Поделились таинственным светом.
И, почувявший с ними родство,
Стал я добрым теперь человеком.

Хоть и прежде-то был ничего...

Будда

А Будда — вправду просветлённый.
Когда посмотришь долго так...
Какой он, с виду округлённый,
Уравновешенный
В чертах.

И ничего ему не нужно.
Он сам в себе, как взаперти,
Поскольку в этой жизни вьюжной
Он не участвует почти.

И нас, заплаканно-уставших,
И нас, готовых умереть,
Он может как перестрадавших
Пустить в себя и запереть.

И нас не тронет злое пламя
В пространстве Будды самого.
И будем мы его глазами
Смотреть на тех, кто вне его.

Дышать легко и равномерно
В сверканье гроз, в сиянье рос.
Но в общем-то закономерно,
Что после Будды был Христос.

★ ★ ★

Грусть, конечно, не искусство.
Кто в ней понимает?
Мухам не бывает грустно.
Лошадям — бывает.

Лошадям бывает очень,
Даже очень-очень.
Да и мне бывает очень
Тоже, между прочим.

Да ещё одной мадаме
С синими глазами
Грустно днями, месяцами
И — вот-вот — годами...

И две зари взошли...

Не я летел и пел —
Летела щепка в буре.
И то взлетала ввысь,
То поспешала вниз.
Не я себе сказал:
«Да погоди ты, дурень».
А возраст мне сказал:
«Помедли, осмотрись».

И две зари взошли,
Как два холодных сердца.
Рассветная — у ног,
Вечерняя — у глаз.
И соловей молчал,
Уставший от концерта,
Быть может, первый раз.
Я тоже — в первый раз.

И стало тихо вдруг,
Как в глубине острога.
И сморщилась земля
На мускулах подошв.
И сто моих друзей
Прошли, как сто ожогов.
И сто моих рублей
Рассыпались, как дождь.

Легко служить, пока
Есть силы для служенья.
Да, трижды прав поэт:
Нет счастья для творца.
Но смерти тоже нет —
Есть чудное мгновенье.
Оно зажглось, горит
И длится без конца.

От Мичурина до Хлебной...

Я катаюсь на трамвае
От Мичурина до Хлебной
И от Хлебной до Оврага.
И куда-то там ещё.

У меня согрелись руки,
У меня отмякли ноги.
А в бутылке из-под «Пепси»
Натуральный самогон.

И кондуктор бомжеватый,
На меня похожий в профиль,
По мобильнику с коллегой
О футболе говорит.

Говорит: «Ядрёна мама!
Это ж срам, ядрёна мама.
И позор на всю Россию —
Два пенальти не забить».

И Россия с ним согласна.
И трамвай звонит согласно,
И мурлыкая, как кошка,
Пробегает по кольцу.

Свобода

Свобода — затянутый пояс,
Ещё не затоптанный полюс
И змей в небесах, как душа,
Взлетевшая из-под ножа.
Под кожей пчелиное жало,
Пиратский расплесканный ром.
И так её, матушки, мало,
Что дай её вдоволь — помрём.

Насытимся хлебною крошкой,
Воскреснем цветущим репъём.
И вслед за влюблённою кошкой
Со всех чердаков запоём.
Из всех подворотен завоем,
Костями поляжем в ночи.
И всё, что хотели, построим.
Причём не слезая с печи.

Чётки

Перебираю странные круги
Или квадраты внутреннего мира.
Они отдельные, как твои шаги
Иль искры подожжённого пунктира.
Вот льдинка из небесного стекла,
Что заронилась в сердце при прощанье.
А это дом, в котором ты жила.
Он не пустой —
В нём слышится звучанье.
А это — судьбоносная печать,
Которой мы отмечены с пелёнок.
А это я тебя иду встречать,
А это ты смеёшься, как ребёнок.
А это — сгусток тёмных, тайных сил,
Сомненье наше, наше многоточье.
А это дыня. Я её купил,
И мы её съедим сегодня ночью.

Дурачок

Есть у Коли-дурачка полкопеечки..
Он сидит и ест халву на скамеечке.
Не кусают Колю псы диковатые,
Только смотрят, будто в чём виноватые.
Купол золотом цветёт, звон — разливами.
Всем, кто к Коле подойдёт, — быть счастливыми.
Коля любит эту жизнь колокольную,
Коля чувствует в груди волю вольную.
Он мычит, роняя слюни беспечные,
Словно детство бесконечное, вечные.
А кругом сплошной бардак и политика.
Самолюбие кругом, самокритика.
Стриптизёры да газеты казённые —
Те же слюни, только в куб возведённые.

Подойду к тебе с приветом-конфеткою,
Вытру слюни бутербродной салфеткою.
Здравствуй, Коля. Здравствуй, жизнь нелукавая.
Здравствуй, солнышко ты наше слюнявое.

Лицо

Кинжальной резкости словцо
Не входит в грудь, а входит в спину.
И молча падает лицо
В травы холодную холстину.

Как будто прячась от погонь,
Сжимаешься в тугой комочек
И сердцем чувствуешь, что огонь,
Огонь внутри земли клокочет.

Он греет кровь и дух бодрит,
Он растекается по жилам.
И жизнь становится по силам,
И стыдно плакаться навзрыд.

Что ж, на дорогу выходи.
Затянут шрам. Лови машину.
Но вот что странно: били в спину,
А больно всё-таки в груди.

И снова парус

Сидишь всю ночь на маяке
И смотришь честными глазами,
Что там за парус вдалеке,
И трижды смотришь,
Что за знамя.

А он не медлит, не спешит,
Но вечна тягостная нега.
«И мачта гнётся и скрипит»,
Как доски Ноева ковчега.
И хочется сквозь глухоту
Задать ненужные вопросы:
Кто там остался на борту?
Нужны ли им ещё матросы?
Горит и лампа, и очаг.
Любви и страху нет предела.
Хоть к ночи
Покидать маяк —
Последнее, конечно, дело.

Вспомнил

Дым от твоей сигареты
Сладко пьянил натошак.
Где ты, любимая, где ты?
Так ли всё было, не так?

Где ты, одно меж чужими,
Первого дня существо?
Я не давал тебе имя.
Я только вспомнил его.

Так

Жизнь, как слеза, коротка
И, как слеза, несерьёзна.
— Хочешь прожить на века?
— Поздно, любимая,
Поздно.

— Ты мой неправильный дождь,
Ты моя доля хмельная.
Ты никогда не умрёшь.
— Знаю, любимая,
Знаю...

Окошко

Я крещёное дитя,
Только позабытое.
У меня душа проста,
Как окно открытое.

У меня в душе слова
Честные-пречестные.
Неуместные сперва,
А потом уместные.

Ем окрошку, пью кефир,
Заедаю корками.
И люблю весь Божий мир,
Только с оговорками.

Я родня, как дух и плоть,
Дедушкам и бабушкам.
Не зови меня, Господь,
Я и так уж рядышком...

Братья

Не поймать интернетским сетям
Чудных шёпотов, шорохов, всхлипов.
Братец Август
И братец Сентябрь
Пьют вино под развесистой липой.

Братец Август — весёлый пузан,
А сентябрь — будто мальчик из хора.
Льётся струйка в прозрачный стакан,
Словно ниточка их разговора.

Духом яблочным полдень прогрет.
И Сентябрь улыбается лету:
«Мы не виделись тысячу лет,
Прихожу, а тебя уже нету».

Добрый Август кивает в ответ,
Дескать, так вот всегда и бывает:
«Ухожу, а тебя ещё нет,
А меня уж Господь отзывает».

Друг на дружку с любовью глядят,
На прощанье смыкают объятья:
«Хорошо, что мы встретились, брат».
Хорошо, что вы встретились, братья.

Укол

А для старых поэтов сроду
Не хватает судьбы и века.
Не хватает зелёной травки,
Где спокойно можно прилечь.
И когда им укол в сердце
Назначает Господь-лекарь,
Тут нельзя протереть травкой,
Можно, милые, лишь прижечь.

Чудодейственные уколы —
То ли мука, а то ли помощь
(Будем думать, что всё же помощь,
Даже если наоборот).
А потом, когда прижигаешь,
Ничего уже и не помнишь.
Или просто не хочешь помнить,
Потому что опять кольнёт.

Йети

Сказать, что без тебя скучаю?
Ворон считаю на мосту?
Я не скучаю —
Я дичаю
И скоро шерстью обрасту.

И, словно йети, встану рядом.
Когда ты явишься из снов.
Оно тебе такое надо?
Ну... если надо,
Я готов.

Снежные мысли

Он нас задумчивостью лечит,
Неторопливый, мудрый снег.
Ведь каждый русский человек —
Отчасти снежный человек.

Мороз проглатывает речки,
Берёт Европу в оборот.
А мне тепло на старой печке.
И хрен меня тут кто найдёт.

Мне надоело спорить с жизнью
И со жлобами пить вино.
Пуцай живут в капитализме —
Мне тут, на печке, всё равно.

Пусть отбирают всё до крошки,
Отдам и ручку, и тетрадь.
Но грустный снег в моём окошке
Никто не может отобрать.

И в час, когда я отстрадаюсь,
Покинув тягостную плоть,
Я русским снегом оправдаюсь
Перед лицом Твоим, Господь.

И Ты простишь мне хмель рассветов
И сигарет дешёвых смрад.
Поскольку снежных человек
Осталось мало, говорят.

Словно ждёшь не любви, а молитвы...

Улыбаюсь чужому посеву,
Что до самого неба пророс.
Я любил непорочную деву
До того, как родился Христос.

Я дарил ей цветы и картины,
И покрытую лаком кору.
Каждый день до её Палестины
Добирался пешком поутру.

В полумраке церковного зала,
Где пророки глядели мертво...
— Видишь солнце? — она мне сказала, —
Отвернись, не гляди на него.

Где-то хлопнула тяжкая рама
Тиховейному дню вопреки.
Меня вывели силой из храма
Две незримых, но властных руки.

Позабыты цветы и картины.
Но сквозь времени призрачный щит
Каждый день из своей Палестины
На меня она долго глядит.

Человечьи сердца не излиты.
Ты глядишь — и теплее в крови.
Словно ждёшь не любви, а молитвы.
Хоть молитва — ничто без любви.

И каждая однажды оглянулась...

Как языки исчезнувших племён —
То птичий свист, то птичий лёгкий щебет —
Тоскующие птицы всех времён
Оставили следы на этом небе.

То клином пролетали, то рядком.
И с каждою из них я был знаком.
И каждая однажды оглянулась,
И тихо на лету меня коснулась.

И каждый раз душа бросалась в рёв,
Просила то боёв, а то пиров.
Но те, кто мне примеры подавали,
Лишь пировали, а не воевали.

Но жили как вагоны в тупике —
От сквозняка и шума вдалеке.
А ежели порой шалили нервы,
Ходили на охоту и маневры.

Тоскующие птицы всех времён,
Не посещайте больше мой район!
Как сатанинский росчерк на странице,
На совести моей ваш след дымится.

Не серебритеcь в облаке и тьме,
Не посылайте весточки в письме,
Не опускайтесь в наши позолоты.
Сезон охоты здесь.
Сезон охоты.

Темма. Галатея

Я вырезаю
Пантеру на камне зелёном,
Будто квадратное яблоко с запахом серы.
Сила и мощь
Не порушили плавности линий
Этой заморской, крутой, обаятельной кошки.
Вот будет праздник
В прокуренном нашем колодце,
Если она в самом деле мяукнет сегодня.
Ибо сегодня
Три тысячи лет пролетело,
Как растворился в полуночи плащ Галатеи
(Как ей живётся, бедняжке, вдали от Самары?).

Содержание

Книжка	3
Царьград.....	4
Последняя сигаретка.....	5
Если нужно.....	6
Он скачет.....	7
Полдень. Стрельба	8
Полночь. Так.....	9
Минор, минор, минор	10
Под голос твой.....	11
Зона.....	12
Степь. Размолвка	13
Говори.....	14
Соседушка	15
Противоречье.....	16
Портрет	17
Сон-трава	18
Двойник.....	19
Извне	20
Полночь. Башня.....	21
Безвременье	22
Красс... блин... ..	23
Мышка.....	24
На мокром утреннем перроне	25
Полдень. Оплошность	26
Правда. Промысел.....	28

Метаморфоза	29
Счастливчик	30
Зачёркнутые строчки	32
Снова колыбельная	33
На веранде вечером	34
Брат	35
Огоньки	36
Сокровище	38
Божья коровка	40
Песенка про кота	41
Двадцать капель корвалола	42
Сухой закон в Самаре	44
На третий день	46
Пирсмани	47
Кто это был	48
Синички	50
Русским людям	51
Ничего	52
Порционные дни	53
Однажды	54
Фотография на фоне парка	56
Струнный квартет	58
Гуманоид	59
Последняя охота	60
Бобик	61
Домик	62
В тридевятиом царстве	63
В приёмной	64
«Не садитесь в изголовье...»	66

Шекспировский дождь	68
Танцы	69
Древо	70
Колыбельная	71
Про поэта Тютчева Фёдора	72
Глазищи	74
Если грустно	75
Кинопроба	76
«Василий Васильич Семёнов...»	78
Паучок	79
Малая земля	80
След	81
О философии	82
«Я хотел бы ходить как часы...»	83
Шарфик	84
Гостиница	85
Куклы	86
Главврач	87
Слуга	88
Наскальной живописи плач	89
Про дедушек	90
«Я коллекционирую приветы...»	91
Человечек	92
Из школьного окна	93
Полдень в мартовском саду	94
Глупое слово «шопинг»	96
Весы	98
Маня	99
Не возлюбили мы врагов	100

Давным-давно, зимою лютой.....	102
Жанна	104
Чёрный день	105
Друзьям	106
«Таинственное дерево сирень...»	108
И я там жил.....	110
«Да кто бы знал, что дождик холост?...»	112
Спящий.....	113
Антимечта	114
Хандра	116
Когда я был старым	117
Триста лет до падения Трои	118
Про медведя	120
Не горюй... ..	121
На скамейке вдвоём... ..	122
Радуга	123
Коробка	124
«Пусть воют волки на Луне...»	125
Зимние прятки	126
«Когда окончу Университет...»	128
Момент	129
Волшебник	130
Фонари	131
Будда.....	132
«Грусть, конечно, не искусство...»	133
И две зари взошли.....	134
От Мичурина до Хлебной... ..	136
Свобода	137
Чётки	138

Дурачок	139
Лицо.....	140
И снова парус	141
Вспомнил	142
Так	143
Окошко	144
Братья	145
Укол	146
Йети	147
Снежные мысли	148
Словно ждёшь не любви, а молитвы.....	150
И каждая однажды оглянулась.....	152
Гемма. Галатея.....	154

Литературно-художественное издание

Евгений Петрович Чепурных

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Стихи

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

Ольгу Васильевну Рыбакову,

Лидию Алексеевну Анохину

Руководитель проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

Александр Громов

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01; www.litsamara.com

Подписано в печать 21.08.2014. Формат издания 70х100/₃₂.

Объём 6,5 печ.л. Гарнитура Georgia. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 800 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82

e-mail: izdatkniga@yandex.ru